

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51

УДК 276 + 130.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ТЕМА СЕРДЦА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ, РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

И.В. Макаров

Статья посвящена проблеме кардиогносии как ведущей для русской богословско-философской и светской религиозной мысли. Особое место в отечественной (особенно в религиозной) философии занимает тема любви и сердца. Основной вопрос, который мы ставим в данной статье: осталась ли отечественная кардиогносия в русле чисто византийской религиозной философии или же наша традиция нашла самобытный подход к изучению сердца. Эта проблема достаточно актуальна в силу того, что современную Россию часто стали сравнивать с Византийской империей, подобная компаративистика вот уже третий десяток лет встречается в различных исторических, культурных и философских исследованиях. Исследование темы сердца также ложится в копилку духовно-нравственных ценностей, к сохранению которых обращены стратегические интересы современного российского общества.

Автор приходит к выводу, что в русской православной культуре тема сердца раскрывается в аскетической традиции подвижничества, а русская религиозная философия называет сердце ключом к пониманию ментальности русского человека. Современные исследователи делают акцент на интегративной функции сердца. Русская православная культура выступает мостом между византийской традицией и русской философией, а современная отечественная философия полагает сердце местом синтеза науки, культуры искусства.

Результаты статьи могут быть применены в рамках создания концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

Ключевые слова: *Византия; русская философия; кардиогнозия; сердце; русская культура; исихазм; подвижничество; нравственность; православие; духовно-нравственные ценности*

Для цитирования. *Макаров И.В. Тема сердца в византийской традиции, русской православной культуре и отечественной философии // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 2. С. 27-51. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51*

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE THEME OF THE HEART IN THE BYZANTINE TRADITION, RUSSIAN ORTHODOX CULTURE AND RUSSIAN PHILOSOPHY

I.V. Makarov

The article is devoted to the problem of cardiognosia as the leading one for Russian theological-philosophical and secular religious thought. A special place in Russian (especially in religious) philosophy is occupied by the theme of love and the heart. The main question that we pose in this article is whether the domestic cardiognosy has remained in line with purely Byzantine religious philosophy, or whether our tradition has found an original approach to the study of the heart. This problem is quite relevant due to the fact that modern Russia has often been compared with the Byzantine Empire, such comparative studies have been found for the third decade in various historical, cultural and philosophical studies. The study of the topic of the heart also falls into the piggy bank of spiritual and moral values, to the preservation of which the strategic interests of modern Russian society are addressed.

Russian Orthodox culture reveals the theme of the heart in the ascetic tradition of asceticism, and Russian religious philosophy calls the heart

the key to understanding the mentality of the Russian person. Modern researchers focus on the integrative function of the heart. Russian Orthodox culture acts as a bridge between Byzantine traditions and Russian philosophy, and modern Russian philosophy considers the heart to be a place of synthesis of science and art culture.

The results of the article can be applied in the framework of the creation of the concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia.

Keywords: *Russian philosophy; Byzantium; cardiognosia; heart; Russian culture; hesychasm; asceticism; morality; Orthodoxy*

For citation. *Makarov I.V. The Theme of the Heart in the Byzantine Tradition, Russian Orthodox Culture and Russian Philosophy. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 27-51. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-27-51*

Введение

В настоящее время в культурном и цивилизационном пространстве ощущается потребность в духовно-нравственной оценке человека и общества. Отношения в нравственной сфере жизни общества требуют определения общечеловеческого ценностного фундамента, мы наблюдаем постулирование различных ценностных систем: государственных, расовых, субкультурных, различных социальных слоев – все они имеют разные, а, зачастую диаметрально противоположные морально-нравственные установки. Российское общество находится в поиске фундаментального элемента человеческих отношений, поэтому обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям выступает актуальной задачей современности. Отношение к сердцу, как к сосредоточению духовно-нравственных сил прослеживается в русской православной культуре и отечественной философии. Автор уверен, что любящее сердце способно стать ориентиром, онтологическим центром для нашего деидеологизированного общества, духовным поводом для человека.

Тема сердца выступает одной из центральных во многих культурах и религиозных традициях. Восточная мудрость часто называет сердце сосредоточением духа. В западной традиции проблему серд-

ца начал разрабатывать еще Платон. Нельзя сказать, что тема философии сердца обделена вниманием отечественных исследователей, имеется достаточное количество научных работ, раскрывших тему сердца в отечественной философии [2, 9, 12, 13, 14, 38, 39]. Отметим, что большинство авторов признает «Византийский след» в области отечественной кардиогности. Мы видим, что феномен сердца в русской культуре и философии зафиксирован исследователями на самой заре русской цивилизации. Закономерно предположить, что в русской традиции проблема сердца возникает под влиянием двух традиций пришедших на Русь с Византии: с одной стороны, это переводная книжность, а с другой – живая монашеская традиция исихазма.

Безусловно, и русская, и византийская цивилизации имеют христианскую основу своей культуры, а Русь в свою очередь имеет определённую преемственность от Византии, поэтому для нас характерны общие культур-философские темы. Тема сердца возникает уже на страницах Евангелия: сердце называется органом боговедения (Мф. 5:8), сердце – это поле борьбы добра и зла (Мф. 13:19), в заповеди о любви обязательно говорится о сердце (Мр.12:33), апостолы в своих посланиях также апеллируют к сердцу как к органу познания (Рим.10:8-10, 1Иоан.3:21, Иак.3:14). Подробно место сердца в Священном Писании анализировал в середине XIX в. проф. Киевской духовной академии П. Д. Юркевич: «во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» [40, с. 64]. Нам будет интересно проследить генетическую связь между отечественной философской традицией и традицией восточного православия, посмотреть современную интерпретацию проблемы сердца.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили различные агиографические памятники, относящиеся к православной подвижнической традиции, при рассмотрении темы сердца мы опирались на

византийскую и русскую книжность, нашли развитие этой темы и в отечественных философских системах. Методологией исследования выступают культурфилософский и аксиологический подходы, ключевой метод – философско-религиоведческий анализ.

Результаты исследования

Византийская традиция кардиогносии (IV-XIV вв.)

Византийская традиция подходила к проблеме сердца с разных позиций. Как известно, долгое время на христианском Востоке «соперничали» две богословских школы: Александрийская и Антиохийская. Один из основателей Александрийской богословской школы – Ориген (ок. 185 — ок. 254) в своем фундаментальном труде «О началах» называет сердце органом богопознания: «Вообще, во всех Писаниях Ветхого и Нового завета ты найдешь много мест, в которых сердце упоминается вместо ума, т. е. вместо познавательной силы» [19]. В этом же труде Ориген обстоятельно доказывает идею того, что сердце человека – это место противоборства дьявола и Бога: «Мы находим, что помыслы, исходящие из нашего сердца, или воспоминание о каких-нибудь событиях, или представление о каких-либо вещах и делах иногда происходят от нас самих, иногда возбуждаются противными силами, иногда же внушаются Богом или святыми ангелами» [19]. Другой известный представитель Александрийской богословской школы - свяtitель Кирилл Александрийский, автор обширного корпуса текстов, в своем знаменитейшем сочинении «О поклонении и служении в Духе и истине», рассуждая о справедливости и божественном правосудии, отмечает: «потому что сердце и утроба служат как бы жилищем нашей разумной способности, а в разумной способности нашей как бы утвержен и естественно водружен правый о каждом из действий и безукоризненный суд, то есть правосудие и то, что каждому приличествует» [36, с.495], т.е., согласно мысли Кирилла, сердце содержит в себе разумную способность различения добра и зла.

Антиохия на заре христианства также была одним из центров древнего мира, где пересекались различные культуры и верования.

Философской основой Антиохийской школы была реалистическая система Аристотеля, в то время как александрийцы разрабатывали синтез христианства с учением Платона. Среди известных представителей школы тему сердца наиболее ярко затрагивал Иоанн Златоуст. Великий проповедник особенно много говорил о покаянии (μετάνοια), изменении ума. Следуя Аристотелю, святитель считает местопребыванием воли – сердце человека. По мнению Златоуста нравственное преображение души зарождается в сердце: «Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные» [33]. Там же, в сочинении «О сокрушении», святитель говорит о том, что на пути к нравственному совершенству воспитание и слабость тела не являются существенными препятствиями: «Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум?» [33]. В своем пространном «Слове о покаянии» Златоуст, отвечая на главный вопрос христианства – «как спастись?», дает следующий ответ: «будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть, смиренномудрие и кротость» [34]. Там же святитель говорит о том, что для общения с Богом достаточно сердечной молитвы, движение уст не обязательно. Согласно Златоусту, нравственное преображения человека начинается в сердце, к тому же он называет сердце органом богообщения.

Итак, у раннехристианских авторов мы не находим развёрнутого учения о сердце, его значение упоминается эпизодически в свете христианской антропологии и в контексте нравственных поучений. Конечно, тема сердца не выступает ключевой и для богословских школ в целом: для александрийской школы она является частью интеллектуальной жизни человека, представители антиохийской школы говорят о сердце как о средоточии нравственной жизни. Представители обоих направлений признавали сердце органом мистического богопознания. Получившая свое развитие в IV в. монашеская традиция проявляет куда больший интерес к проблеме сердца. В

аскетической литературе делается акцент на внутренний мир человека, центром которого выступает сердце устремленное к Богу.

Великие каппадокийцы в IV веке, используя наработки раннехристианских богословских школ, создают систему христианского вероучения. Проблема сердца также кажется им важной. Первый из триады каппадокийцев – Василий Великий полагает, что «в испытании сердце и утроб Бог показывает Свое правосудие», отмечает, что в Писании «слово «сердце» употребляет в значении владычественного в душе, а слово «утроба» в значении вожделевательной ее силы» [4, с.17]. Григорий Богослов в слове «На святое Крещение», рассуждая об устройстве человека, приписывает сердцу мыслительную функцию: «Нахожу, что даже сердце и внутренности удостоены чести. В сем убеждает меня Давид, который просит, да созиждется в нем сердце чисто, и дух прав обновится во утробе (Пс. 50:12), разумея под сим, как думаю, силу мыслительную, ее движения или помыслы»[31].

Григорий Нисский в своём сочинении «Об устройении человека», разбирая известные ему теории о месте пребывания ума, приходит к выводу, что нельзя определить его нахождение в сердце, да и вообще в любом другом органе: «следует при этом полагать, что ум по необъяснимому закону срастворения без предпочтительности соприкасается с каждым членом» [40]. Ум, согласно Григорию Нисскому, направлен ко благу и управляется Богом, а умом управляется вещественная жизнь. В антропологии Григория сердце занимает главное место, но его функция – это поддержание физического существования тела, его жизненной силы. Каппадокийцы часто обращаются к образу сердца в экзегетических трудах: Василий Великий и Григорий Нисский в толкованиях на Шестоднев и псалмы, Григорий Богослов в своих многочисленных «Словах» также вспоминает о сердце в контексте псалмов и пророческих книг. Можно сделать вывод, что тема сердца у каппадокийцев прорабатывается в контексте христианской антропологии, выступая частью психической жизни человека. Василий Великий в своих аскетических правилах советуют вставшим на путь монашеский блюсти свое сердце и сохранять памятование о Боге, тем самым предвосхищая исихастскую традицию.

Сердце как орган познания рассматривается и в аскетической практике христианского Востока. Согласно «Лестнице» преподобного Иоанна (579-649). Ссердце — это то место, из которого может исходить как порок, так и добродетель: «В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных - небесные видения» [16, с.265]. Но, добрые и худые помыслы зарождаются там не сами по себе. Первые происходят от Бога, вторые - от дьявола. Иоанн Лествичник предлагает хорошо проработанное, наполненное глубоким психологизмом, руководство по борьбе со страстями. Он предлагает следующую схему развития духовной болезни: сначала помыслом повреждается ум, затем он поселяется в сердце, и на последнем этапе формируется страсть, поражающая и тело.

Наиболее полное раскрытие тема сердца получает в монашеской практике исихазма. Исихазм – это занятие духовно-практическое, предполагает несколько ступеней духовного возрастания: очищение сердца, как центра сосредоточения духовных сил человека; погружение ума в сердце; непрестанное молитвенное делание; безмолвие; призывание имени Божия; зрение Фаворского света и Боговедение. Исихаст переводится с греческого как молчальник, об этом виде аскезы еще в VI в. подробно писал упомянутый нами выше Иоанн Лествичник. Обосновал с богословской и философской точки зрения это учение св. Григорий Палама. В сочинении о «Священно-безмолствующих» Григорий пишет: «...разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как не телесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверно это знаем, не от людей сему научены быв, но от самого Создателя человека... Итак, сердце есть сокровенная хранилища ума и первый плотский орган мысленной силы» [18, с.283].

Еще один крупный апологет данной традиции – Симеон Новый Богослов, рассуждая о главной цели исихастских практик – боговидении, ясно дает понять, что эта цель не достижима без очищения сердца и отречения от собственной воли, поврежденной страстями: «Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, – вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать

и внедрять ее в сердце свое» [27, с.261]. Преподобный Григорий Синаит говорит о двух способах единения с Богом, двух входах умной молитвы – в сердце единение совершается через непрерывную молитву, «но иногда Дух влечет к Себе ум, водружая его в глубине сердца и освобождая от привычки к круговращению» [30]. Итак, ум и сердце два центра молитвы, «истинное начало молитвы есть сердечная теплота» [30], но Григорий Синаит далее пишет о том, что можно заключать ум в сердце, для борьбы с духовными помыслами. Вообще, прп. Григорий Синаит говорит, что исихастские практики применимы не только для монашествующих, ими в теории могут воспользоваться все верующие: «Будем заботиться только об одном, чтобы иметь совершающимся в сердце действие молитвы, согревающее и радующее ум и воспламеняющее душу к невыразимой любви Бога и людей» [30]. Итак, созерцательное направление достигло наибольшего развития трудах Макария Египетского (ум. в 390 г.), Марка Подвижника (половина V в.), Дорофея (ум. в 620 г.), Филофея Синаита (XI в.), Никиты Стифата (XI в.), Петра Дамаскина (XII в.), Григория Паламы (XIV в.), — в особенности же Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.) и Григория Синаита (XIV в.).

Таким образом, в византийской богословской традиции, мы находим два основных подхода к проблеме сердца: одна часть авторов считает центром умной деятельности человека сердце, другая говорит о разделении таковой между умом и сердцем. Тем не менее, византийские авторы почти единодушно называют сердце органом созерцания Бога и местом битвы со страстями. Получается, в восточной патристике сердце часто рассматривается в контексте христианской антропологии. Мы видим, что философия сердца, как отдельного учения в византийской литературной и богословской традиции не существовало, хотя эта тема в Исихазме является одной из центральных.

Тема сердца в русской православной культуре

На Руси проблема сердца начинает разрабатываться после знакомства с византийской традицией исихазма при митрополите из греков

Феогносте в середине XIV в.¹ К его времени относят «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о Рае»² (1347 г.), которое является первой русской редакцией нового веяния – мистического богопознания. Изучение житийной литературы позволяет говорить о том, что умная молитва была известна русскому монашеству и ранее: Киево-Печерский патерик повествует, что Антоний и Феодосий Печерские (XI в.) удаляются в пещеру для молитвы, такой практики придерживались и другие монахи обители. Творит тайную молитву и Владимир Мономах, об этом свидетельствует его «Поучение». На этом же основании, исследователь Г.П. Федотов [37, с.119] говорит о безусловной принадлежности прп. Сергия Радонежского к исихастской традиции. В древнерусской литературе тема сердца находится долгое время на периферии и поднимает ее в XV в. хотя и отечественный автор, но все же наследник византийской культуры преподобный Максим Грек (Тривóлис). Максим Грек считает сердце «разумной и словесной частью души»[23], вместилищем благодати Святого Духа, местом борьбы со страстями, он явно знаком и с исихастскими практиками, говоря о священном безмолвии сердца. Влиянию исихазма на антропологические и гносеологические воззрения преподобного посвящена монография современного исследователя К.В. Коновалова³, который приходит к выводу о том, что специфика философско-религиозного наследия Максима Грека обусловлена генетической связью последнего с афонской школой исихазма.

Отечественные исследователи (Г.П. Федотов, Л.А. Успенский, Д.В. Павлов, Г.М. Прохоров) ведут начало именно русской кардиогности с преподобного Нила Сорского (XV в.). В своем «Уставе» преподобный описывает восточную монашескую традицию и исихастские практики, обильно цитирует византийских авторов, в

¹ Подробнее см. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 86–108.

² Подробнее см. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997- / Т. 6: XIV- середина XV века. С.44.

³ Подробнее см. Влияние исихазма на антропологические и гносеологические воззрения Максима Грека (Михаила Триволиса) [Текст] : монография / К.В. Коновалов. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014 — 163 с.

целом не привнося ничего нового в сложившуюся традицию: «Мы же, познав всё это из Святых Писаний, если хотим к делу Божиему истинное прилежание иметь, да удаляемся прежде, сколь возможно, от суеты этого мира и постараемся страсти умялять, то есть сердце блюсти от лукавых помыслов, тем самым исполняя заповеди; и с хранением сердца да имеем всегда молитву» [35, с.23].

Тем не менее, отечественный философ Г.П. Федотов, отмечает, что Нил Сорский первым на Руси описал теорию умного делания [37, с. 61]. Прп. Иосиф Волоцкий свидетельствует, что с традицией исихазма также был знаком прп. Андрей Рублев и его ученики, а написанные ими образы позволяют восходить к первообразу и помогают в умном делании [36, с.298], а Епифаний Премудрый говорит о приверженности исихастской традиции другого известного иконописца – Феофана Грека: «в работе умом постигал далекое духовное, ибо просвещенными, одухотворенными чувственными очами видел духовную красоту» [36, с.212]. Прот. Иоанн Мейендорф признает влияние исихазма на развитие искусства Восточной Руси в конце XIII–XIV в., отмечая его видное место в развитии восточного христианства в целом [18].

В XVIII в. систематизировал и изучал опыт умного делания прп. Паисий Величковский; итогом его трудов стал «Свиток» из шести глав – настольная книга для монашествующих Молдавии, Валахии, Украины, России, Греции, Болгарии и Польши. Как отмечают исследователи [20, с. 36-39] русское монашество в XVIII в. находилось в большом упадке: аскетизм угас, монастыри обезлюдели. В Россию начинают возвращаться ученики старца и его духовное наследие постепенно распространилось на всю Россию, хотя его учеников не везде принимали радушно. В своих поучениях преподобный говорит, что умносердечная молитва должна совершаться непрестанно, но все же это удел совершенных: «Умносердечная молитва – для преуспевших; для средних – пение, т. е. обычные церковные песнопения и для новоначальных – послушание и труд» [22, с. 82]. В своих нравственно-аскетических трудах и в личной переписке преподобный постоянно говорит о чистоте сердца.

Придерживался традиции умного делания и прп. Серафим Саровский (1754-1833), в своих наставлениях он показывает прекрасное знание лучших образцов монашеской литературы. О молитве он учит следующим образом: «Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека» [21, с.409]. Признаком духовной жизни преподобный Серафим называет умения погружать ум внутрь себя и совершать делание в своем сердце.

Амвросий Оптинский (1812-1891), подобно Паисию Величковскому, занимался переводом и изданием святоотеческой аскетической литературы, при этом он вел обширную переписку и привлекал в свою скромную монашескую келию многих великих современников. Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов, Е. Погожин и многие другие искали беседы со старцем. Прп. Амвросий в своих поучениях и переписке обращает внимание на очищение своего сердца, отмечая, что большинство страданий происходят от ошибочных действий и неправильных мыслей: «как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца» [25, с.342].

Кардиогносия в отечественной философии

Во второй половине XIX в. тема сердца становится достоянием не только монашеской традиции, в исследование проблемы активно включается русская религиозная философия. Первым крупным философом, поставившим сердце в центр своих исследований еще в XVIII в. стал Г.С. Сковорода (1722-1794). Малоросский мыслитель рассматривает сердце как центр духовных сил человека, эта мысль встречается в большинстве произведений автора, цель жизни человека – это познание своего сердца. Г.С. Сковорода в раскрытии понятия сердца ориентировался на святоотеческую традицию, но его заслуга в том, что он проанализировал сердце как философскую категорию. Вслед за Сковородой, русская философия начинает серьезно разрабатывать метафизику сердца, его идеи получили продолжение у многих отечественных мыслителей [7].

Психолог, философ и публицист П.Е. Астафьев (1846-1893) во второй половине XIX столетия предложил оригинальное учение о «духовной личности». В центре его философии душа человека, которая, по мнению автора, «всего дороже». Современные исследователи [13] отмечают, что Астафьев понимает русскую философию, как философию сердца. Астафьев П. Е. говорит о «многогранности» ума свойственной нашему народу, а сердцу, как он полагает, дана восприимчивость и сочувственность, что позволяет принять позицию другого. Следование принципам – это признак философского ума, в поисках истины «наш ум, направленный на внутренний мир в его полноте, на самую задачу самосознания, гарантирован и от односторонности, составлявшей доселе удел западной философской мысли» [3, с.486]. По мысли философа, для дела самосознания бьется сердце целого народа, а как психолог Астафьев говорит о том, что следует изучать не отдельную личность с ее внутренним миром, а принципы, формирующие самосознание народа в целом.

Философская система выдающегося отечественного педагога и мыслителя П.Д. Юркевича (1827-1874) с недавнего времени стала предметом для многочисленных исследований (В.Н. Бабина, М.В. Федорова, С.А. Зайцева и др.). К.И. Никонов отмечает, что этюд Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека» оказал существенное влияние на последующее развитие русской богословской антропологии¹. Юркевич относится к представителям киевской духовной школы, поэтому на его работы повлияли как взгляды Г.С. Сковороды, так и православная аскетическая литература, а прежде всего тексты «Добролюбия». Мыслитель придерживается святоотеческой традиции в понимании сердца как сосредоточения духовных и телесных сил человека. Не отрицая важность разума, он отмечает преимущественное значение сердца в духовной жизни. П.Д. Юркевич называет сердце и центром нравственной жизни человека, внутри которого проживаются все нравственные состояния человека. Сам мыслитель утверждает, что он придерживается библейского учения

¹ Подробнее см. Никонов К. И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа.) – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

о сердце, в котором раскрывается мысль о том, что сердце может улавливать и анализировать те душевные состояния, которые «не поддаются отвлеченному знанию разума» [40, с.89].

С.Л. Франк (1877-1950), крупный русский психолог, философ и религиозный мыслитель, самой известной его работой стала книга «Душа человека», в которой доказывается тезис о единстве духовной жизни человека. Свое исследование автор ведет в чисто феноменологическом ключе. Франк утверждает, что душа существует и она познаваема, в бытии души соединяются миры материальный и духовный. Мыслитель говорит об ограниченности философии, о том, что она не может целиком охватить эти оба мира: «Поэтому я ищу не «философии», а мудрости, т. е. просто правды – правды ума и сердца» [24, с. 89].

Философ, религиозный мыслитель и правовед, Б.П. Вышеславцев (1877-1954) ставит феномен сердца в центр философского и религиозного познания. Мыслитель признает сердце основным органом религиозных переживаний, внутри сердца зарождается связь между Богом и ближним, «мистическая сущность человека недоступна ни физике, ни психологии, но открыта только сердцу» [5, с. 250]. Согласно Вышеславцеву, в сердце происходит интерпретация ценностей, «оно ощущает самого человека и все человечество. Глубочайшее человеческое переживание – это величие и ничтожество человека» [5,с.247], сердце имеет свою логику, свой порядок идей неподвластных рассудку.

Выдающийся отечественный мыслитель Иван Ильин (1883-1954) в последний период своего творчества также обращается к теме сердца в своем труде: «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Основной тезис автора – надо «чувствовать сердцем и созерцать из сердца» [11]. Что такое «поющее сердце» у Ильина? Это сердце, в котором поет любовь, силу чувствам дает искренность. В противовес здоровому «поющему сердцу» И. Ильин ставит «заглохшее сердце», сердце не способное созерцать надмирное и даже просто красоту творения. Получается, сердце поет, когда оно любит, когда обладает истиной. Философ сравнивает человека, имеющего поющее сердце

с маяком, посредником Бога.

Как отмечает В.В. Зеньковский (1881-1962), познавательную функцию сердца в русской философии разрабатывали такие мыслители как Киреевский, Хомяков, Достоевский связывая основную задачу этой функции с областью оценки: «Если сердце живет неизменной жизнью, то это отзывается на тех или иных действиях интеллекта, а для высшей сферы бытия остается в силе слово Спасителя, что только «чистые сердцем узрят Бога», т. е. могут восходить к познанию Первореальности» [10, с.35].

Современные исследователи включают в этот список учение о Софии Е.Н. Трубецкого и Вл. Соловьева, этику всеединства Л.П. Карсавина, этические воззрения Н.А. Бердяева, космизм К.Э. Циолковского, богочеловечество С.Н. Булгакова, этику веры А.Ф. Лосева¹.

Далее тема сердца как центра всех жизненных сил человека возникает в работе В.Ф. Войно-Ясенецкого (1877-1961), известного ученого, практикующего хирурга и епископа Русской Православной Церкви. В своей работе «Дух, душа и тело» мыслитель объединяет свой научный и духовный опыт, в котором он именуется сердце органом высших чувств [17, с.36].

Из крупных советских ученых обращался к теме сердца С. С. Хоружий (1941-2020), который сконцентрировал свое внимание на практике исихазма, которая выступает практическим воплощением православного учения о синергии – согласования божественной и человеческой воли. Согласно автору: «вся исихастская аскеза может рассматриваться как практическое искусство синергии, которая присутствует лишь зачаточно на низших ступенях процесса, на средних – формируется с помощью спец. приемов типа «сведения ума в сердце», и становится господствующей – на высших», итак, в сердце пересекаются божественная и человеческая энергии [26].

¹ Например исследователи: Калугина С. А. Этические измерения феномена сердца в отечественной философской культуре // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-izmereniya-fenomena-serdtsa-v-otechestvennoy-filosofskoy-kulture> (дата обращения: 12.11.2022). Назаров В.Н. История русской этики / В.Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2006. С. 117.

В современной России тема сердца разрабатывается в контексте сохранения традиционных ценностей, актуализируется значение сердца, как органа задающего духовный вектор развития человека. Весомый вклад в современную отечественную кардиогносию внесли следующие исследователи: Климков О.С. «Исихазм и русская религиозная философия XV-XVIII вв.» (2019), Бабина В.Н. «Метафизика сердца в русской философии второй половины XIX века: П. Д. Юркевич» (2012), Лебеденко А.А. «Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI-XX вв.» (2010), Юсупова Ф.Н. «Метафизика сердца в европейской и русской философии и культуре XX в.: сравнительный анализ» (2009), Калугина С.А. «Этико-философский анализ феномена сердца: на материале русской философской культуры второй половины XIX – начала XX вв.» (2008), Голович Р. «Философия преображенного Эроса и метафизика сердца Б. П. Вышеславцева» (2003).

Особое внимание проблематике сердца уделяют алтайские ученые: Иванов А.В., Апёнышева Л.Г., Хвастунова Ю.В., Шишин М.Ю., Фотиева И.В. Так, А.В. Апёнышева предлагает оригинальную «Философскую концепцию пневмокоронарного комплекса», в котором сердце оказывает влияние не только на физиологические функции человека, но и на душевнодуховные стороны человеческого существования [2], итак, согласно мысли автора, сердце осуществляет телесно-вещественный и энергоинформационный обмен как внутри организма, так и с другими субъектами и миром в целом. Исследователь Ю.В. Хвастунова рассматривала познавательные способности сердца с религиозных и научных позиций и выделяет три уровня его деятельности: психофизиологический, эмоционально-познавательный, духовно-нравственный, в заключении автор представляет «Интегральную философскую модель сердца» [39], в которой сердце является точкой пересечения и примирения научного и религиозного опыта. А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин, размышляя о новых формах общественного устройства, отмечают необходимость исследования опыта российской философской мысли рубежа XIX-XX вв. и актуализацию категорий всеединства, сердца,

правды, софийности и соборности. Особую роль при построении ноосферы, общества на новых принципах, по мнению алтайских философов должно сыграть «сердце человеческое, как орган синтетического познания и самопознания человека и как важнейшее средство практического укоренения в софийном естестве мира» [12].

Оригинальный подход к оценке русской религиозной философии сердца применяет профессор Б.В. Емельянов из г. Екатеринбурга, в своей монографии «Хронограф русской философии XIX века» (2017), отмечая три ее очевидности: 1) проблема сердца и любви общечеловеческая, а не чисто русская; 2) проблема сердца вплелась в ткань русской философии с первых веков ее существования; 3) проблемы кардиогносии решаются в рамках религиозной философии и богословия, где сердце выступает основным символом открывающим путь к инобытию, к духовному миру [9,с.77]. Автор выделяет несколько форм познания в русской религиозной философии сформированные онтологией сердца: кардиогносию с уклоном на энергетический принцип любви и экзистенциальную, базирующуюся на «сердечном знании» [9,с.79], итак, для автора сердце — это место соприкосновения двух различных онтологических форм бытийности, абсолютной и относительной.

Мы видим, что кардиогносия представляет особый интерес для отечественной философии, для которой сердце выступает как духовно-нравственная основа для исследования бытия человека и человечества, из сердца произрастает истинная любовь, в нем свершается нравственный выбор. Для русской религиозной философии сердце – это точка соединения человеческой и божественной природы.

Заключение

Рассмотрев византийскую богословскую традицию, мы приходим к выводу, что тема сердца не является центральной в раннепатристической литературе. Наиболее полное раскрытие тема сердца получает в монашеской практике исихазма, знакомство с которой дало толчок развитию философии сердца внутри русской культуры. Но исихастская практика на Руси не замкнулась в стенах монастырей,

идеи исихазма проникли в книжность и иконографическое искусство, русские подвижники адаптируют «умное дело» для простых верующих. Русский народ, усвоив православную идею сердца дал ей творческое развитие. Русская религиозная философия, начиная с XVIII в., делает тему сердца одной из центральных. Касаясь познавательной функции сердца византийские авторы именуют его органом богопознания, а отечественная философская мысль чаще говорит о сердце как ключе к познанию человека и человечества. Святоотеческое богословие ставит в центр этической системы Бога, отечественные мыслители называют сердце если не первым, то вторым центром нравственных сил для человека.

Задача философии в целом, согласно святоотеческой традиции, – это изучение внутреннего мира человека, центром которого выступает сердце. Можно утверждать, что в разработке темы сердца русская философия достигла выдающихся успехов, не отвергая византийского наследия, но предлагая новые, соответствующие современным достижениям философии и науки подходы к культур-философскому пониманию феномена сердца. Русская православная культура выступает мостом между византийской традиций и русской философией.

Современные философы и культурологи высказывают гипотезу о том, что именно сердце может выступать интегрирующим началом современной духовной культуры, предметом для диалога в мировой науке, религии и искусстве. Современная наука признает сердце не только важным физиологическим органом, но и сосредоточением психоэмоциональной жизни личности. Сердце выступает точкой пересечения духовного и материального мира в человеке.

Список литературы

1. Ан С.А. Философский текст как феномен культуры: размышления о новых книгах Б. В. Емельянова // Культура и текст. 2018. №1 (32).
2. Апёнышева Л.Г. Концепция сердца в системной философии. Автореф. дис.. канд-та филос. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
3. Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. М. : Институт Наследия, 2021. 590 с.

4. Беседы на псалмы / свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. Москва : Сибирская благовозвонница, 2016. 428 с.
5. Вышеслацев Б.В. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. 296 с.
6. Гаврилов И.Б., Иванов П.К. К характеристике «метафизики сердца» П. Д. Юркевича // Христианское чтение. 2021. №3.
7. Голомонзина В.В. Многоаспектность понятия «Сердце» в философии Г. С. Сковороды // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №131.
8. Добротолюбие: в русском переводе [в 5 т.]. Изд. 4-е. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 5. 560 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_5/20 (дата обращения: 16.11.2022).
9. Емельянов Б.В. Хронограф русской философии XIX века. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2017. 204 с. (Серия «Почетный профессор УрФУ»).
10. Зеньковский В.В. Основы христианской Философии. М.: Канон+, 1997. 560 с.
11. Иван Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. URL: <https://azbyka.ru/pouyushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij> (дата обращения 11.09.2022).
12. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю., Духовно-ноосферная цивилизация: устои и перспективы. Монография. Барнаул, 2009.
13. Калугина С. А. Этические измерения феномена сердца в отечественной философской культуре // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2.
14. Климов О.С. Философские воззрения Максима Грека и их связь с исихастской гносеологией // Философия и культура. 2017. №12.
15. Лебеденко А. А. Сердце – средство метанаучного познания космической реальности // Живая этика и наука. 2013. №2.
16. Лествица, возводящая на небо / преп. Иоанн Лествичник. 8-е изд. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
17. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело / Лука (Войно-Ясенецкий). М.: ОБРАЗ, 2011. 128 с.
18. История церкви и восточно-христианская мистика / Прот. Иоанн Мейендорф ; Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. Москва: Институт

- ДИ-ДИК, 2000. 578 с. / Святой Григорий Палама и православная мистика. С. 277-336.
19. Ориген. О началах. Новосибирск, 1993. URL: <https://mstud.org/library/o/origen/princip3.html> (дата обращения: 10.10.2022).
 20. Павлов Д.В. Возрождение исихазма и практики умного делания в России в период: конец XVIII-XIX вв. в подвигах преп. Паисия Величковского и его учеников. М., 2012. 160 с.
 21. Преподобный Серафим Саровский (Мошнин). Духовные наставления инокам и мирянам. Христианская жизнь: Клин, 2011. 512 с.
 22. Поучения, слова, устав и житие старца Паисия Величковского / Состав. Е. Носкова. Москва: «Синописи», 2021. 349 с.
 23. Преподобный Максим Грек (Тривóлис). Нравственные поучения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/nravstvennye-pouchenija/ (дата обращения: 10.10.2022).
 24. Русское мировоззрение [Сборник] / С. Л. Франк; [Вступ. ст. А. А. Ермичева, с. 5-36]. СПб. : Наука : С.-Петербур. изд. Фирма, 1996. 736 с.
 25. Симфония по творениям преподобных оптинских старцев : в 2 т. / [ред.-сост. Т. Н. Терещенко]. Москва : ДАРЪ, 2009. / Т. 1. А-О. 640 с.
 26. Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научный сб-к под ред. С.С.Хоружего. М., 1995.
 27. Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли, в 12 томах. Издательство Московской Духовной Академии и Введенской Оптиной Пустыни, 2007-2011. Т. 9.
 28. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе / [предисл.: послушник Моисей]. [Сергиев Посад] : Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910-1911. 3 т. Т. 2. 1910. 332 с. / Против Николая латинянина – слово об исхождении Святого Духа. С. 191-202. https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/protiv-nikolaja-latinjanina-slovo-ob-iskhozhenii-svjatogo-dukha/ (дата обращения: 10.10.2022).
 29. Творения Святого Кирилла, епископа Александрийского / Общ. ред.: А. И. Сидоров. М. : Паломник, 2000-. (Библиотека отцов и учителей Церкви). / Кн. 1: О поклонении и служении в духе и истине. 2000. 733 с.

30. Творения / Преподобный Григорий Синаит; перевод: Епископ Вениамин (Милов). Москва: Изд. Новоспасский монастырь, 1999. 159 с.
31. Творения: в 2 томах / свт. Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский. Москва : Сибирская благовозвница, 2007. (Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе; ...). Т. 1: Слова. 2007. 895 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slova-izd-2007-g/40/ (дата обращения: 16.11.2022)
32. Творения святого Григория Нисского. Москва : Тип. В. Готье, 1861-1871. / Ч. 1. 1861. [1], 470, II с. / Об устройении человека. С. 76-222. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/ (дата обращения: 16.11.2022)
33. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12-и томах. Санкт-Петербург: С.-Петерб. Духовной Академии, 1895-1906. / Т. 1. : С изображением святого Иоанна Златоуста и его жизнеописанием. 1895. СХII, 883 с. (в 2- книгах) / О сокрушении. С. 129-162. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sokrushenii/(дата обращения: 11.11.2022)
34. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: Т. 1-12. - Санкт-Петербург: С.-Петерб. духов. акад., 1895-1906. 12 т. / Т. 2. 1896. 979 с. / Беседы о покаянии. С. 305-386. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_rockajanii/ (дата обращения: 11.11.2022)
35. Устав о скитской жизни: Новый рус. пер. / Преподобный Нил Сорский. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвин. жен. монастыря, 2002. 91 с.
36. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. Москва: Изд-во западноевропейского экзархата, 1996. 474 с.
37. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 266 с.
38. Фетисов В.П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2008. №4 (44).
39. Хвастунова Ю.В. Познавательные способности сердца: религиозно-философская традиция и современные интерпретации. Автореф. дис.. канд-та филос. наук. Барнаул, 2005. 22 с.

40. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия / Его же. Философские произведения. М.: Правда, 1990, с. 69-103 (переизд.: Труды Киевской духовной академии. 1860, № 1).

References

1. An S.A. Filosofskiy tekst kak fenomen kul'tury: razmyshleniya o novykh knigakh B. V. Emel'yanova // Kul'tura i tekst. 2018. №1 (32).
2. Apenysheva L.G. Kontseptsiya serdtsa v sistemnoy filosofii. Avtoref. dis.. kand-ta filos. nauk. Barnaul, 2004. 18 p.
3. Astaf'ev P.E. Izbrannye proizvedeniya: Filosofiya. Psikhologiya. Kul'tura. M. : Institut Naslediya, 2021. 590 p.
4. Besedy na psalmy / svt. Vasiliy Velikiy, arkhiep. Kesarii Kappadokiyskoy. Moskva : Sibirskaya blagozvonitsa, 2016. 428 p.
5. Vysheslatsev B.V. Vechnoe v russkoy filosofii / B.P. Vysheslavtsev. N'yuu-York : Izd-vo im. Chekhova, 1955. 296 p.
6. Gavrilov I.B., Ivanov P.K. K kharakteristike «metafiziki serdtsa» P. D. Yurkevicha // Khristianskoe chtenie. 2021. №3.
7. Golomonzina V.V. Mnogoaspektnost' ponyatiya «Serdtshe» v filosofii G. S. Skovorody // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. №131.
8. Dobrotolyubie: v russkom perevode [v 5 t.]. Izd. 4-e. Moskva: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2010. T. 5. 560 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_5/20
9. Emel'yanov B.V. Khronograf russkoy filosofii XIX veka. Ekaterinburg : Ural'skiy federal'nyy universitet, 2017. 204 p. (Seriya «Pochetnyy professor UrFU»).
10. Zen'kovskiy V.V. Osnovy khristianskoy Filosofii. M.: Kanon+, 1997. 560 s.
11. Ivan II'in. Poyushchee serdtshe. Kniga tikhikh sozertsaniy. URL: <https://azbyka.ru/poyushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij>
12. Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu., Dukhovno-noosfernaya tsivilizatsiya: ustoi i perspektivy. Monografiya. Barnaul, 2009.
13. Kalugina S. A. Eticheskie izmereniya fenomena serdtsa v otechestvennoy filosofskoy kul'ture // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. №2.

14. Klimkov O.S. Filosofskie vozzreniya Maksima Greka i ikh svyaz' s isikhastskoy gnoseologiyey // *Filosofiya i kul'tura*. 2017. №12.
15. Lebedenko A. A. Serdtse – sredstvo metanauchnogo poznaniya kosmicheskoy real'nosti // *Zhivaya etika i nauka*. 2013. №2.
16. Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo / prep. Ioann Lestvichnik. 8-e izd. Moskva: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2013. 592 p.
17. Luka (Voyno-Yasenetskiy). Dukh, dusha i telo / Luka (Voyno-Yasenetskiy). M.: OBRAZ, 2011. 128 p.
18. Istoriya tserkvi i vostochno-khristianskaya mistika / Prot. Ioann Meyendorf; Sost. i obshch. red. I.V. Mamaladze. Moskva: Institut DI-DIK, 2000. 578 s. / Svyatoy Grigoriy Palama i pravoslavnaya mistika. P. 277-336.
19. Origen. O nachalakh. Novosibirsk, 1993. URL: <https://mstud.org/library/o/origen/princip3.html>
20. Pavlov D.V. Vozrozhdenie isikhazma i praktiki umnogo delaniya v Rossii v period: konets XVIII-XIX vv. v podvigakh prp. Paisiya Velichkovskogo i ego uchenikov. M., 2012. 160 p.
21. Prepodobnyy Serafim Sarovskiy (Moshnin). Dukhovnye nastavleniya inokam i miryanam. Khristianskaya zhizn': Klin, 2011. 512 p.
22. Poucheniya, slova, ustav i zhitie startsa Paisiya Velichkovskogo / Sostav. E. Noskova. Moskva: «Sinopsis'», 2021. 349 p.
23. Prepodobnyy Maksim Grek (Trivólis). Nравstvennye poucheniya. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/nравstvennye-poucheniya/
24. Russkoe mirovozzrenie [Sbornik] / S. L. Frank; [Vstup. st. A. A. Ermicheva, s. 5-36]. SPb. : Nauka : S.-Peterb. izd. Firma, 1996. 736 p.
25. Simfoniya po tvoreniyam prepodobnykh optinskiikh startsev : v 2 t. / [red.-sost. T. N. Tereshchenko]. Moskva : DAR''''', 2009. / T. 1. A-O. 640 p.
26. Sinergiya. Problemy asketiki i mistiki Pravoslaviya. Nauchnyy sb-k pod red. S.S.Khoruzhego. M., 1995.
27. Sokrovishchnitsa dukhovnoy mudrosti: Antologiya svyatootecheskoy mysli, v 12 tomakh. Izdatel'stvo Moskovskoy Dukhovnoy Akademii i Vvedenskoy Optinoy Pustyni, 2007-2011. T. 9.
28. Sochineniya prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode / [predisl.: poslushnik Moisey]. [Sergiev Posad] : Sv.-Troitskaya Sergieva lavra, sobstvennaya tip., 1910-1911. 3 t. T. 2. 1910. 332 s. / Protiv Ni-

- kolaya latinyanina – slovo ob iskhozhdenii Svyatogo Dukha. P. 191-202. https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/protiv-nikolaja-latinjanina-slovo-ob-iskhozhdenii-svjatogo-dukha/ (data obrashcheniya: 10.10.2022).
29. Tvoreniya Svyatitelya Kirilla, episkopa Aleksandriyskogo / Obshch. red.: A. I. Sidorov. M. : Palomnik, 2000-. (Biblioteka ottsov i uchiteley Tserkvi). / Kn. 1: O poklonenii i sluzhenii v dukhe i istine. 2000. 733 p.
30. Tvoreniya / Prepodobnyy Grigoriy Sinaït; perevod: Episkop Veniamin (Milov). Moskva: Izd. Novospasskiy monastyr', 1999. 159 p.
31. Tvoreniya: v 2 tomakh / svt. Grigoriy Bogoslov, arkhiep. Konstantinopol'skiy. Moskva : Sibirskaya blagozvonnitsa, 2007. (Polnoe sobranie tvoreniy svyatykh ottsov tserkvi i tserkovnykh pisateley v russkom perevode; ...). T. 1: Slova. 2007. 895 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slova-izd-2007-g/40/
32. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Nisskogo. Moskva : Tip. V. Got'e, 1861-1871. / Ch. 1. 1861. [1], 470, II s. / Ob ustroenii cheloveka. P. 76-222. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskiy/ob_ustroenii_cheloveka/
33. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: v 12-i tomakh. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. Dukhovnoy Akademii, 1895-1906. / T. 1. : S izobrazheniem svyatogo Ioanna Zlatousta i ego zhizneopisaniem. 1895. CXII, 883 s. (v 2- knigakh) / O sokrushenii. P. 129-162. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sokrushenii/
34. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: T. 1-12. - Sankt-Peterburg: S.-Peterb. dukhov. akad., 1895-1906. 12 t. / T. 2. 1896. 979 p. / Besedy o pokayanii. P. 305-386. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/
35. Ustav o skitskoy zhizni: Novyy rus. per. / Prepodobnyy Nil Sorskiy. Ekaterinburg: Izd-vo Novo-Tikhvin. zhen. monastyrya, 2002. 91 p.
36. Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikony pravoslavnoy tserkvi. Moskva: Izd-vo zapadnoevropeyskogo ekzarkhata, 1996. 474 p.
37. Fedotov G.P. Svyaty Drevney Rusi. M., 1990. 266 p.
38. Fetisov V.P. O filosofichnosti russkogo cheloveka i serdechnosti russkoy filosofii // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2008. №4 (44).

39. Khvastunova Yu.V. Poznavatel'nye sposobnosti serdtsa: religiozno-filosofskaya traditsiya i sovremennye interpretatsii. Avtoref. dis.. kand-ta filos. nauk. Barnaul, 2005. 22 p.
40. Yurkevich P.D. Serdtse i ego znachenie v dukhovnoy zhizni cheloveka po ucheniyu Slova Bozhiya / Ego zhe. Filosofskie proizvedeniya. M.: Pravda, 1990, s. 69-103 (pereizd.: Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii. 1860, № 1).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Макаров Иван Викторович, старший преподаватель

Барнаульская духовная семинария

пер. Ядринцева, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656008, Российская Федерация

tanges@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Makarov, Senior Lecture

Barnaul Orthodox Theological Seminary

66, per. Yadrinceva, Barnaul, 656008, Russian Federation

tanges@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3418-080X>

Поступила 10.04.2023

После рецензирования 29.04.2023

Принята 10.05.2023

Received 09.03.2023

Revised 29.04.2023

Accepted 10.05.2023